

22.119к

Улово
о полку
Игореѣѣ

ИЗ БИБЛИОТЕКИ

поэта

*Дмитрия Николаевича
Семеновского*

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

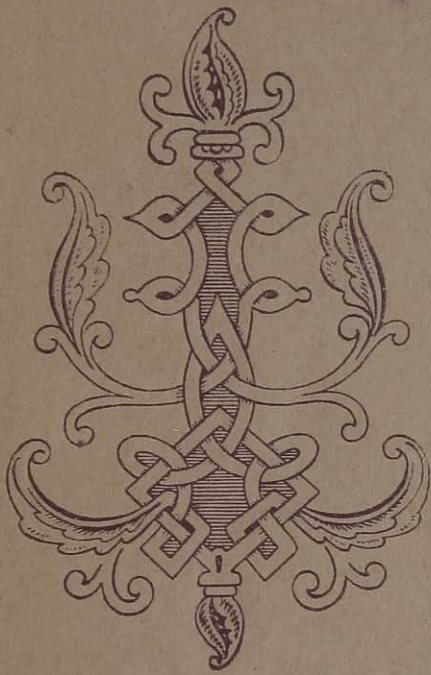
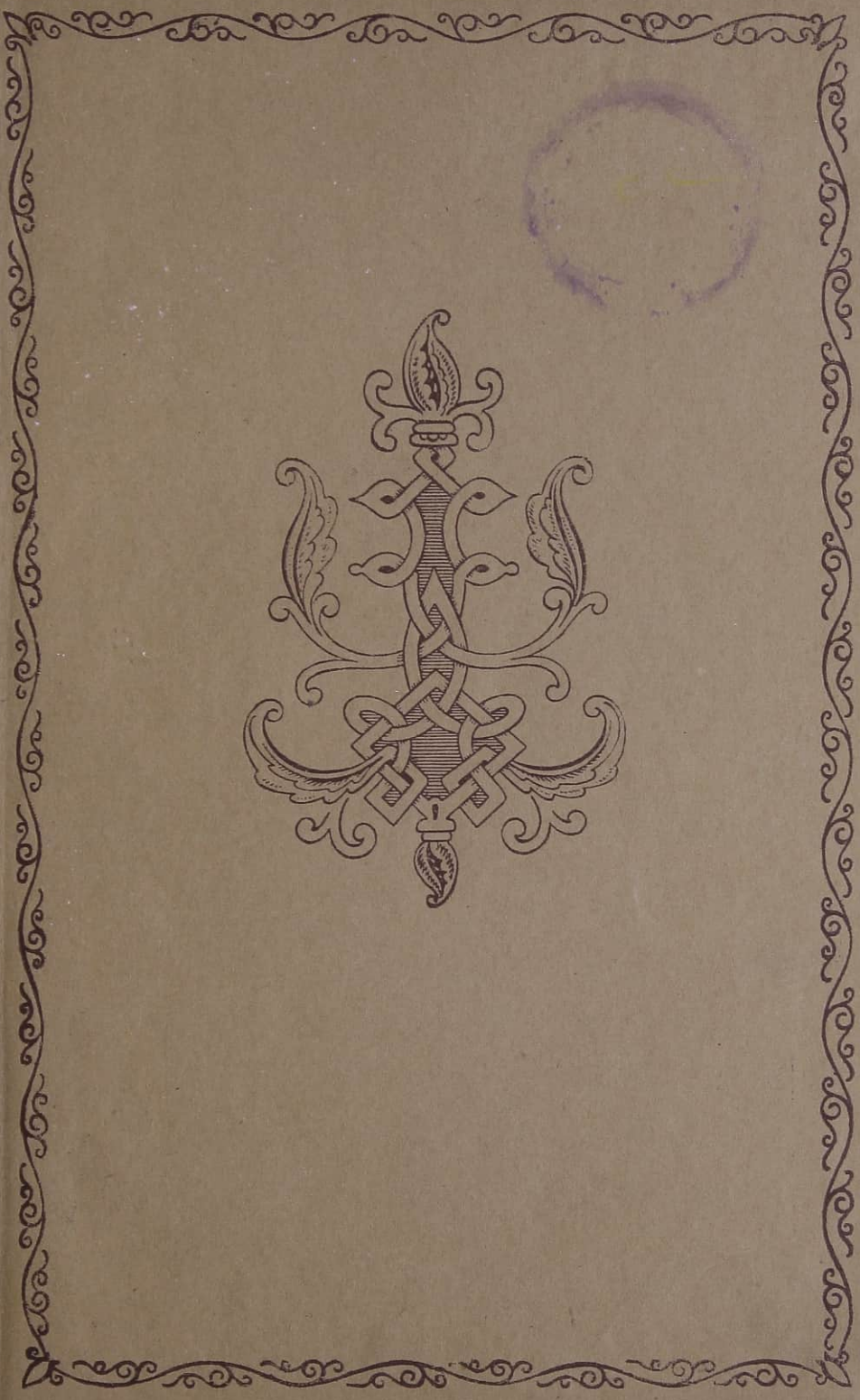
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

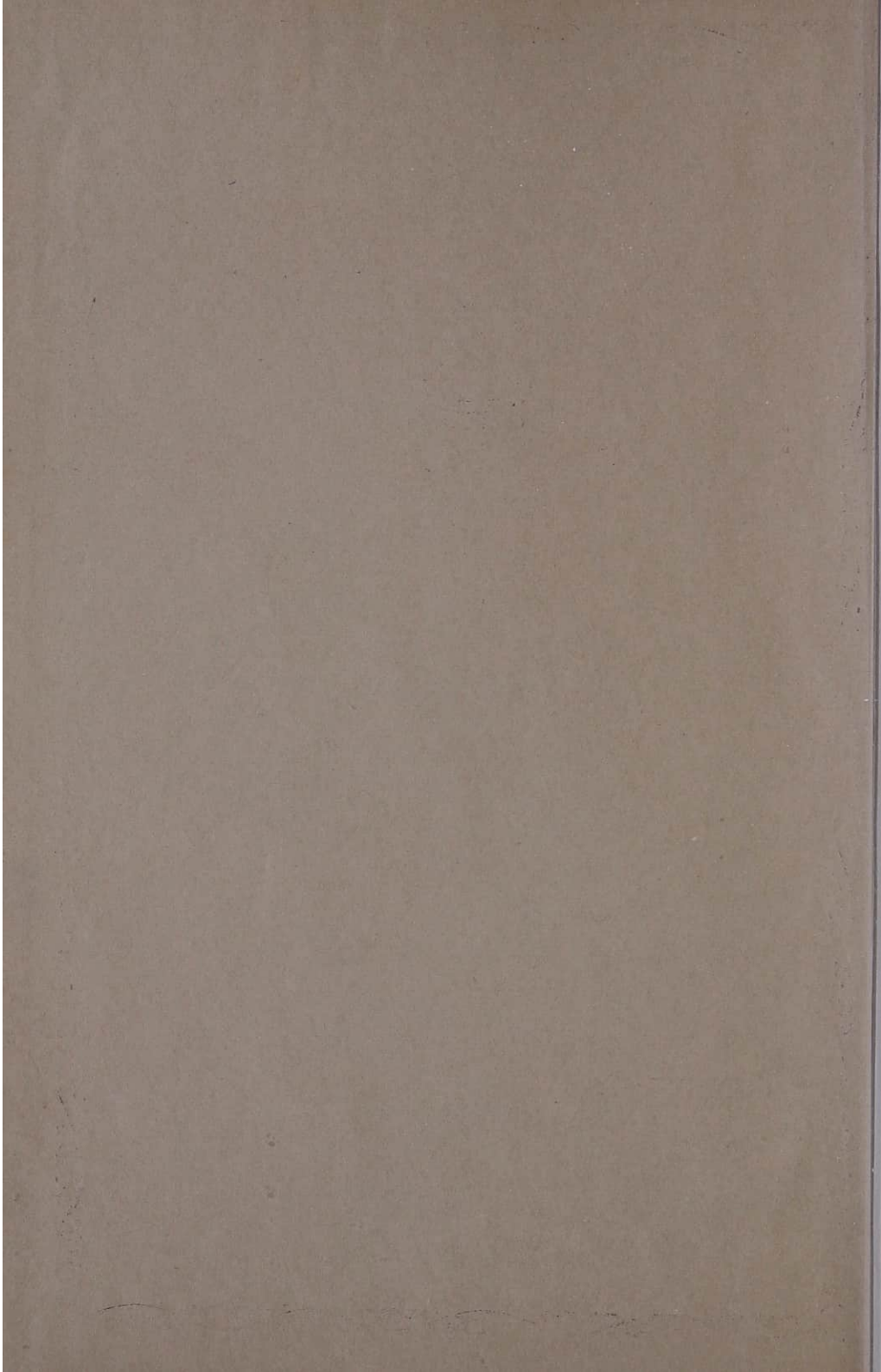
Колич. пред. выдач _____

Воскр. тип. Т. 1 млн. З. 384—75

СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ

ПЕРЕВОД
В СТИХАХ
ДМ. СЕМЕНОВСКОГО

Рисунки
И. Колоцкого

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИВАНОВСКОЙ
ИВАНОВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОБЛАСТИ
1939

кр 22. 119

I
С 30

-- 2010

Редактор Д. Г. Прокофьев

*

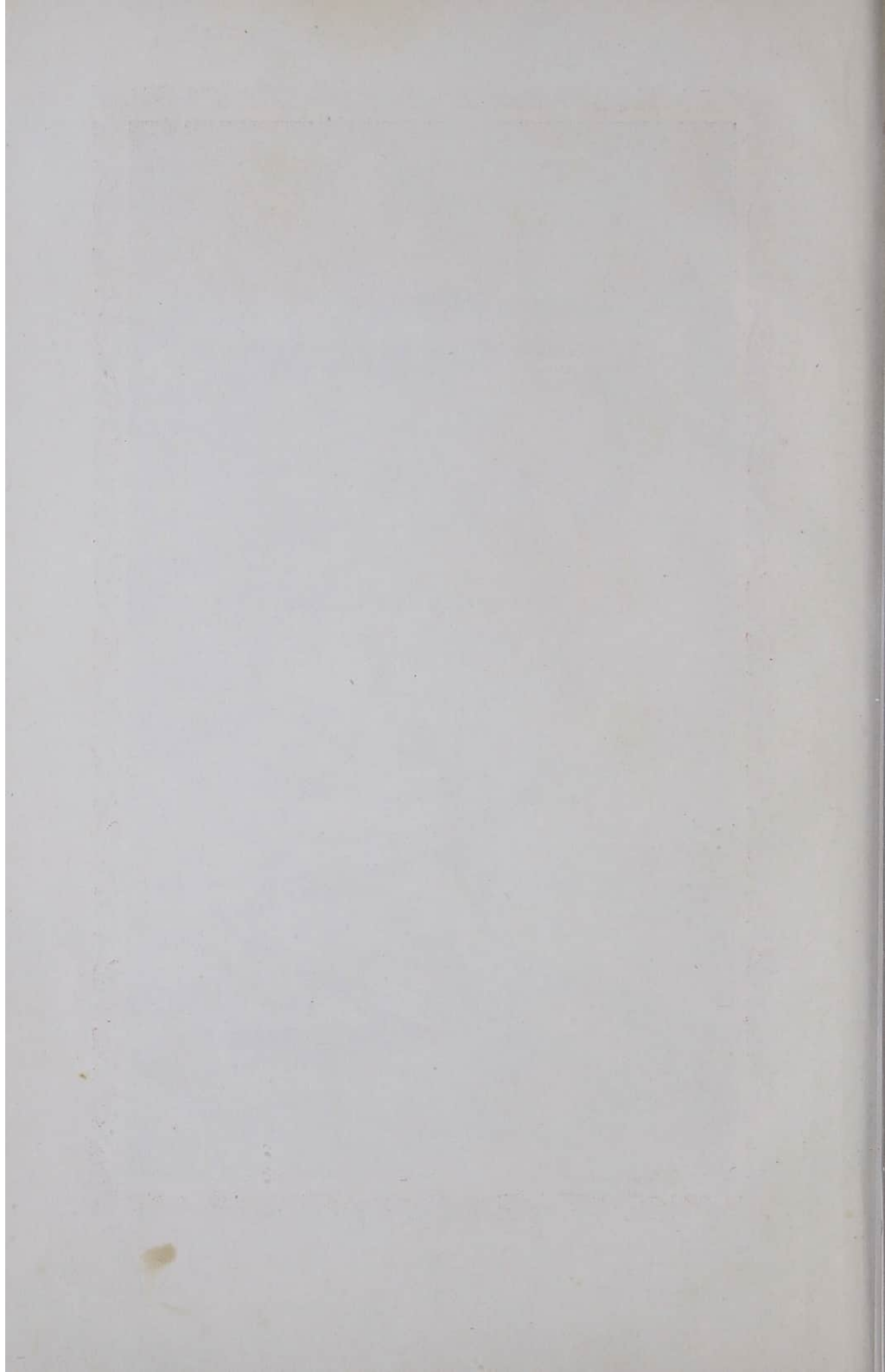
Технический редактор В. П. Федоров

*

Корректор Н. А. Смирнова

ЗАПЕВ

НЕ НАЧАТЬ ЛИ нам складом
Ратных повестей ныне
Песнь об Игоре, братья,
И храброй дружине?

А начать нам ту песню
По делам современным,
Не стремясь за Бояном,
Певцом вдохновенным.

Ведь, Боян, если славить
Кого собирался, —
Быстрой мыслью по дебрям
Лесным расстился;

Он по чистому полю
Рыскал серой волчицей,
Возносился к подоблачью
Сизой орлицей.

(Говорил: вспоминает
Стародавние битвы.)
Напускал он тогда
Для веселой ловитвы

Десять соколов в стаю
Лебедей; за какою
Белой лебедью сокол
Бросался стрелою,

Та вперед и певала
Сладкозвучную славу
Ярославу ли старцу,
Храбрецу ли Мстиславу,

Что зарезал Редедю
У касожского стану,
Иль пригожему сыну
Святослава, Роману.

Но не соколов в стаю
Лебединую, други,
Напускал песнотворец, —
Он вещие руки

Клал на струны живые,
А они под перстами
Всем князьям рокотали
Славу громкую сами.

ПОХОД

НАЧЕМ ЖЕ, други,
Слагать эту повесть
От Владимира старого
До нынешних дней, —
До Игоря-князя,
Что, на подвиг готовясь,
Ум стянул-опоясал
Крепкой силой своей.

Изострил сердце мужеством,
Духа ратного полон,
И повел свою храбрую
Рать за собой, —
В половецкую землю
Ее повел он
За Русскую землю
На бой.

*

Взглянул он на солнце
И видит: светило
Не дневными лучами,
А мраком ночным

Храбрых воев его
С вышины осенило.
И сказал он
Соратникам верным своим:

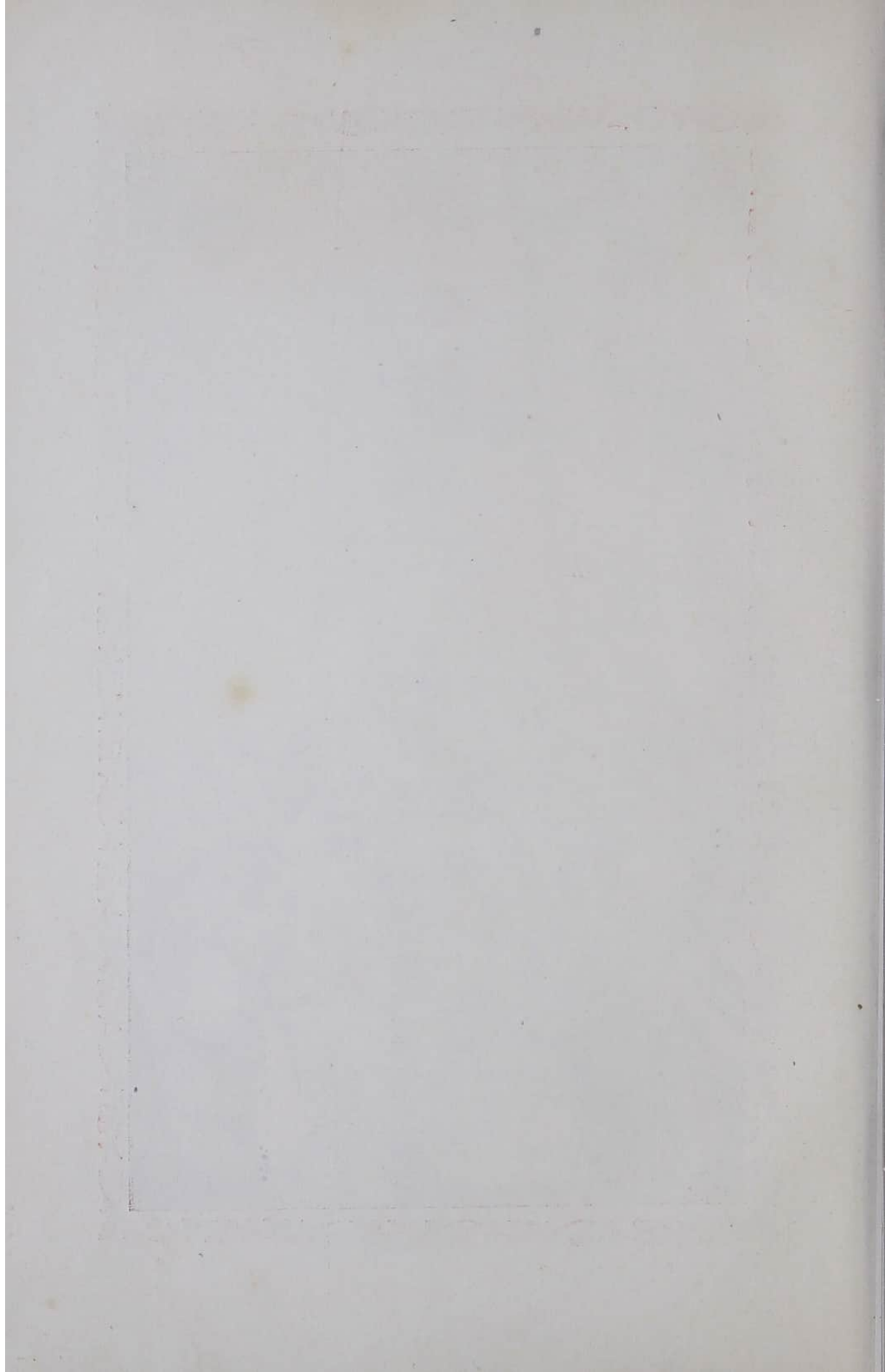
— О, братья и други!
Не лучше ли в сече
Погибнуть со славой,
Чем сдаться в полон?
Так скорей —
На коней,
И поскачем далече,
И посмотрим
На синий Дон!

Пылкость юная
Игорев ум полонила.
Жалко князю,
Что знаменье грозною мглой
Путь к великому Дону
С небес заслонило
Дружине его
Удалой.

— Хочу на краю
Половецкой пустыни, —
Вновь сказал он, —
Копье преломить,
Либо голову с вами
Сложить на чужбине,
Либо Дона
Шеломом испить!

О, Боян, соловей
Незапамятных былей!
Кабы ты рокотал нам
Об этих полках,
По дереву мысли
Скача без усилий,
Летая умом
В облаках!

С древней славой свивая
Славы нынешней звуки,
Мчась Трояновым следом
На горы с полян,
Ты песню об Игоре,
Ольговом внуке,
Так бы начал,
Премудрый Боян:

„То не буря несет
Над пустынею дикой
Ясных соколов вдаль
От родного гнезда;
То не галки
На Дон спешают великий,
Собираясь
В большие стада“.

Внук Велесов!
А, может, запевкой такую
Эту песню
Начать надлежит:
„Кони борзые ржут
За Сулою-рекою,
В стольном Киеве
Слава звенит“.

*

Громко трубы запели в стенах Новаграда;
Во Путивле знамена шумят;
Игорь-князь дожидается милого брата;
Вот и Всеволод, Игорев брат.

И сказал буй-тур Всеволод:
— Свет мой и слава,
Игорь, отчей земли господин!
Мы, ведь, оба с тобой сыновья Святослава,
Ты — мой брат, ты и свет мне один.

Брат, седлай-ка своих скакунов быстроходных,
А мои уж готовы к пути:

Ждут у Курска в подругах и седлах походных,
Рады витязей в битву нести.

А куряне испытаны в доблести ратной, —
Повиты под походной трубой,
Каждый выкормлен с кончика пики булатной,
Под шоломом взлелеян любой.

Им известны дороги степной глухомани,
Им знакомы овраги ее.
Лук натянут у них, дремлют стрелы в колчане,
Остро сабли кривой лезвие.

Сами скачут, как волки, толпой неустанной
По степным, по неторным стезям,
Войску чести алкая под бурею бранной,
Звонкой славы алкая князьям!

*

Игорь в стремя вступает тогда золотое,
Гонит полем коня своего,
Но зловещее солнце густой темнотою
Застилает дорогу его.

Ночь свирепой грозой на него завывает,
Спящих птиц на ветвях разбудив,
Свистом в стаи зверей по дубравам сбивает.
Дико кличет на дереве Див.

Злым предчувствием близкого горя тревожим,
Шлет он весть незнакомой земле —
Голубому Поморью, Корсуню с Сурожем,
Вольной Волге и светлой Суле.

И тебе, истукан дальней Тмуторокани,
Кличет грозно и жалобно он. —
Вот уж половцы кинулись в синем тумане
По неторным дорогам на Дон.

В полночь резко скрипят на просторе великом
Вереницы несметных телег.
Скажешь: стая распуганных лебедей с криком
Покидает согретый ночлег.

Игорь воинов к Дону уводит. А Лихо
Вещей птицей качает лозу.
По овражинам волк с отощалою волчихой,
Завывая, пророчат грозу.

Хриплым клетком зверей собирают орлицы
Пировать на просторе степном.
Лисы брешут на красных щитов вереницы.
Русь, а ты — уж давно за холмом!

Долго ночь осеняет померкшие дали.
Свет-заря заронила в туман.
Соловьиные песни с зарей задремали,
Говор галок несется с полян.

Дети Руси щитов вереницей багряной
Разделили поля пополам,
Войску чести алкая под бурею бранной,
Звонкой славы алкая князьям.

ВСТРЕЧА С ПОЛОВЦАМИ

С ПОЗАРАНЬЯ в пяток на равнинах донецких,
Лишь зажглись заревые огни,
Окаянную силу полков половецких
Потоптали конями они.

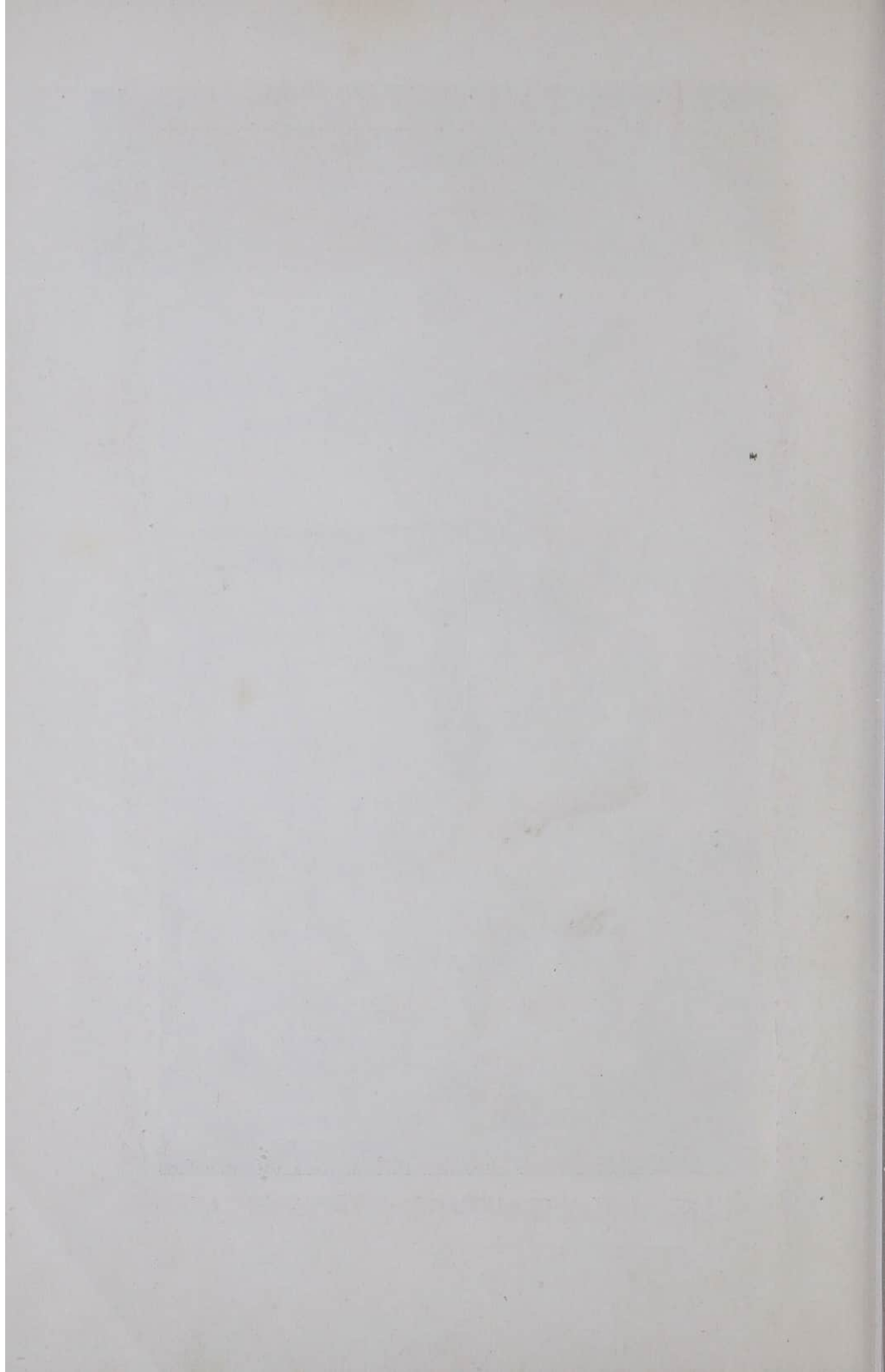
И, стрелами рассеявшись в поле, помчали
Красных дев половецких в полон.
С ними золота, паволок много достали,
Дорогих аксамитных пелён.

А орниц-покрывал, епанчей с кожухами
Столько было захвачено там,
Что в болотах узорными их ворохами
Путь мостили по грязным местам.

Стяг червленый с хоругвью из белого шелка,
Стяг, добытый в кровавой борьбе, —
На серебряном древке червленая челка, —
Храбрый Игорь оставил себе.

Чутко дремлет гнездо удалое Олега
В стороне чужедальней, глухой.
Далеко залетело!.. Степного ночлега
Так обманчив коварный покой.

Да ни соколу с кречетом пестрым в обиду
Не родился из них ни один,
Не бывать их гнезду и тобою побиту,
Черный ворон степной, половчин!

Серым волком в ночи по ковыльному лону
Скачет Гзак, темнотою одет,
А Кончак по туману к великому Дону
Кажет Гзаку серебряный след.

Зори нового утра, кровавые зори,
Новый день за собою ведут.
На четыре Олеговых солнышка с моря
Грозно черные тучи идут.

В них трепещет летучее синее пламя
Молний битвенных — сабель кривых.
Грянуть грому великому! С Дона стрелами
Хлынуть ливню из туч грозовых.

Тут копьё преломиться, мечу притупиться
О степной половецкий шелом
На придонских полях, где Каяла струится.
Русь, а ты — уж давно за холмом!

РОКОВАЯ СЕЧА

В ОТ И ВЕТРЫ, Стрибожии внуки, стрелами
Веют с моря на княжи полки.
Стоном стонет земля. Вьется прах над полями.
Мутно катятся волны реки.

Плещут стяги в пыли. Половецкая сила
С Дона, с моря и с прочих концов
Строй незбылемый русских полков обступила,
Навалилась на княжих бойцов.

Вражи дети молвой разделили гортанной
Ширь степную, скача по полям,
Дети Руси щитов вереницей багряной
Разделили поля пополам.

Яр-тур Всеволод! В рокоте битвенных звуков
Ты с дружиною твердо стоишь.
Грозно прыщешь на воев стрелами из луков,
О шеломах мечами гремишь.

Где ни скачешь ты, шлемом светя золоченым,
С головой разлучается враг.
Ярый тур, под булатом твоим закаленным
Расколосся аварский шишак!

А и что ему раны кровавые, други,
Коль забыл он для битв и побед
Жизнь в Чернигове стольном и милой супруги,
Красной Глебовны, нежный привет!

*

Прошли века Трояновы,
Дни Ярослава минули,
Олега Святославича
Полки в боях погинули.
Олег-то князь мечом ковал
Крамолу окаянную
И сеял стрелы по земле
Рукою неустанною.
Вражды братоубийственной
Подняв знамена черные,
В Тмуторокани в стремена
Вступал он золоченые.
Тревожно звону грозному
Его набега ярого
Внимал великий Всеволод,
Сын Ярослава старого.
Владимир же черниговский,
Едва рассвет проглядывал,
Со страхом уши накрепко
Скорей себе закладывал.

Тогда лихие жребии
На долю многих выпали.
Бориса Вячеславича
Взманила слава к гибели,
И юноше отважному
За боль обиды Ольговой
Постлала смертным саваном
Ковыль зеленый шелковый.
С того же поля бранного,
Копытами изрытого,
И Святополк на двух конях
Повез отца убитого —
Предать его земле сырой

В престольный Киев. Той порой,
При Ольге Святославиче,
При князе-Гориславиче,
Русь заседалась смутами
И поростала спорами,
Усобицами лютыми,
Кровавыми раздорами, —
И жизнь людей,
Дажьбожьих чад,
Шла на погибель, на закат.
В крамолах пагубных княжих
Век укорачивался их.

Тогда так редко на Руси
Перекликались ратаи,
Так часто с трупов каркали
Стервятники пернатые,
Так часто галки речь вели
Крикливою оравою,
Сговариваясь меж собой
Лететь на снедь кровавую.
То было раньше, в те бои,
Но о таком побоище
До сей поры в краю родном
Не слыхивал никто еще.

*

От утра до повечерья,
С повечерья до рассвета
Сыплет градом стрел каленых
Битва яростная эта.

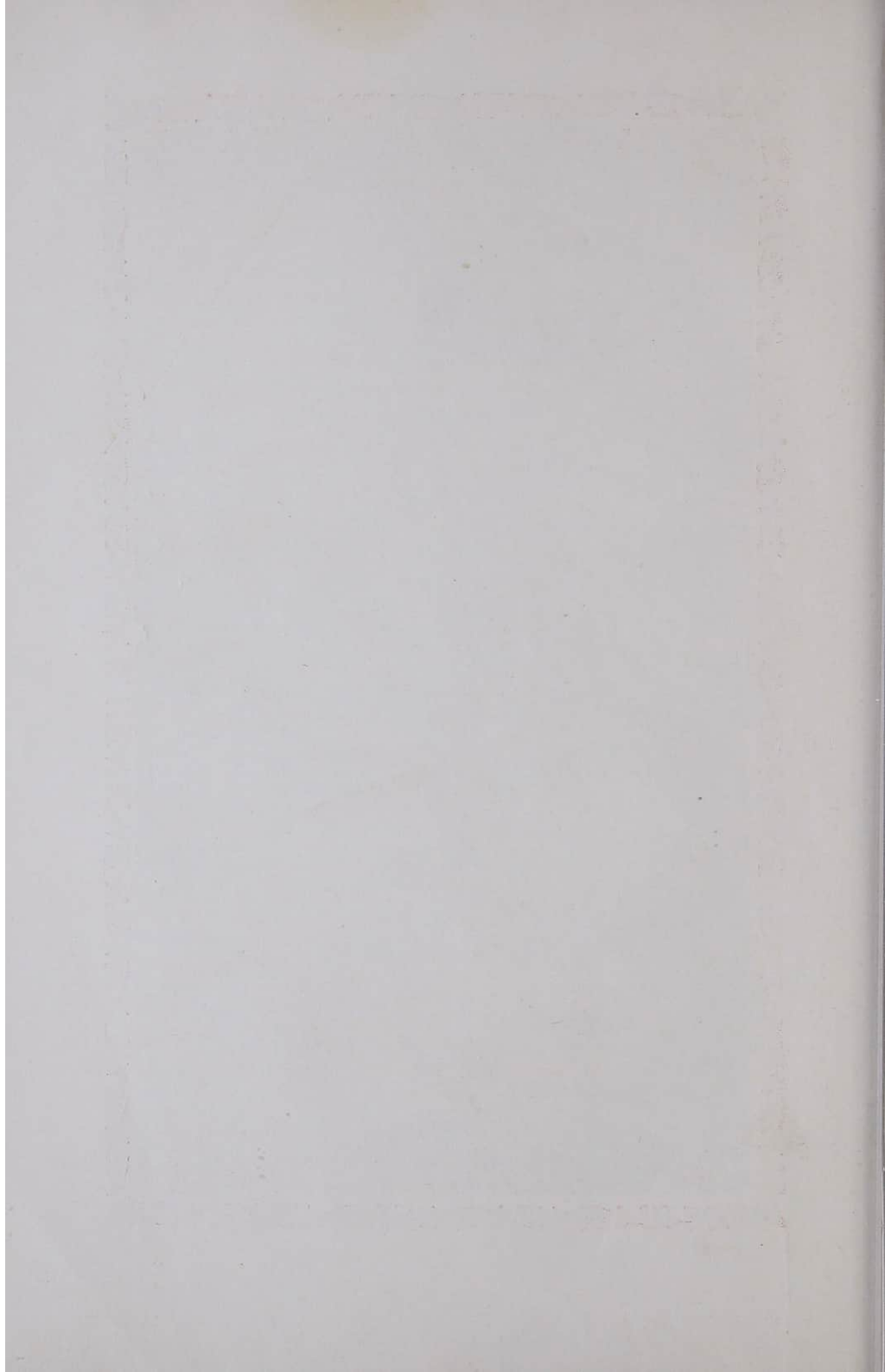
Треск идет от копий, с громом
Скачут сабли по шеломам
В сердце степи половецкой,
В поле диком незнакомом.

Уж черна земля сырая —
Вся копытами изрыта.
Сплошь засеяна костями —
Сплошь убитыми покрыта.

Полита горячей кровью
По истоптанному всполью,
И взошел по русским долам
Тот посев великой болью.

Что мне шумит,
Что мне звенит
Далече рано пред зарей?
То Игорь вновь в кровавый бой
Полк поворачивает свой, —
Знать Всеволода пожалел!
И бьется он под градом стрел
И день и два. И третий день
Встал на полдневную ступень,
И пали, сеявшие страх,
Знамена Игоревы в прах.

Тут над Каялой быстрою
Два брата разлучаются.
Дошло вино кровавое,
И бранный пир кончается.

И сватов напоили вы
И сами тут, сердечные,
Вы, русичи, за родину
Легли на веки-вечные.

Поникли травы с жалости,
А дерево с кручиною
К сырой земле склонилось
Зеленою вершиною.

ПЕЧАЛЬНАЯ ГОДИНА

НЕВЕСЕЛАЯ, братья, година пришла:
Уж пустыня высокой травой покрыла
Поле боя, где ратная сила легла,
Светоносного внука Дажьбожьего сила.

Но витает над нею Обида ее;
Обернулась крылатою девою Обида
И сошла на степное сухое былье,
На Троянову землю, печалью повита.

И за Доном-рекой, над пучиной морской,
Заплескала-забила крылом лебединым
И, плеща, изошла неутешной тоской
По минувшим счастливым годинам.

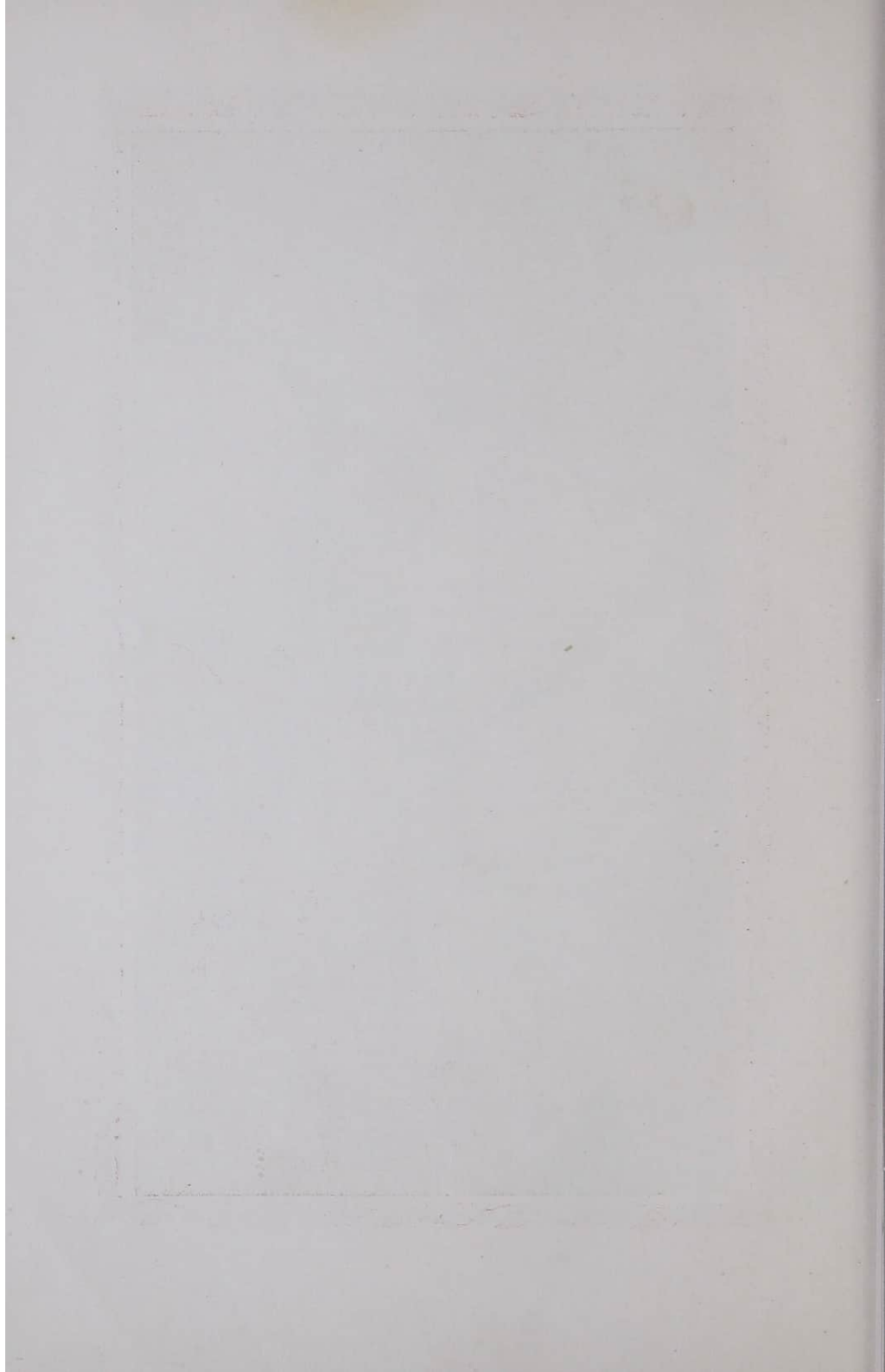
*

Губят Русь усобицы княжие.
Кто спасет от недругов ее?
Спорят братья, вздорят, как чужие:
— То мое и это все мое! —

С малого великий спор заводят
И куют клинки крамолы злой,

А враги со всех сторон приходят
Для побед над Русскою землей.

О, далече —
На море — зашел,
Избивая
Диких птиц, сокол!

А полку-то
Игоря не встать.
Вот о сыне
Завопила мать.

Заметалась
Скорбь из веси в весь,
Пепел тризны
Сея там и здесь,

Легкий пепел,
Погребальный прах,
Взвеванный
В пылающих рогах.

С плачем жены
Русские твердят:
— Вот уж нам
Своих желанных лад

Ни в заветных
Снах не загадать,
Ни очами
Их не увидеть,

А уж златом-
Серебром нам впредь
И давно
Больше не звенеть!..

Стонет, братья, Киев от невзгоды,
А Чернигов — от напасти грозной.
Залила тоска всю Русь, как воды,
Грусть-печаль течет рекою слезной.

А князья куют свои крамолы.
И победно вражеская сила
Топчет взгорья русские и доли,
Собирая дань — по белке с жила.

*

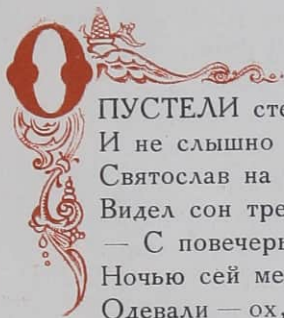
Так два храбрых, два удалых брата,
Игорь с туром Всеволодом ярим,
Лихо разбудили. Знать, задаром
Это Лихо усыпил когда-то
Святослав, князь киевский могучий.
Устрашая половцев ватаги,
Он примчался в степь грозою-тучей
И полками, полными отваги,
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота,
А Кобяка, словно вихрь, сналета
Он исторг для плена и позора
Из луки морской, с кочевий диких,
Из полков железных, из великих.
И попал Кобяк на смех-забаву
В стольный Киев, в гридню к Святославу.

Тут и немцы, и венецианцы,
А за ними греки и моравы
Славословят князя Святослава,
И корят и судят, чужестранцы,
Игоря, что силу-рать родную
Погрузил в Каял-реку степную,
Половецкую реку засыпал
Русским золотом, да и сам над нею
Из седла из золотого выпал —
Пересел в седло к врагу-кощею.

СОН СВЯТОСЛАВА

ПУСТЕЛИ стены в городах,
И не слышно звонкого веселья.
Святослав на киевских горах
Видел сон тревожный.
— С повечерья
Ночью сей меня, — поведал он, —
Одевали — ох, недобрый сон! —
На кедровом ложе в саван черный.
Черпали мне синее вино,
С ядом было смешано оно.
Рассыпали с ласкою притворной
Тулами придворных толмачей
Мне на лоно жемчуг крупнозерный.
И до первых утренних лучей —
Снилось мне — без связи доски были
В златоверхом тереме моем.
С вечера покрылся вороньём
Луг поречный; каркали, кружили,
За лесные дебри хоронясь,
И всю ночь неслись на сине море!

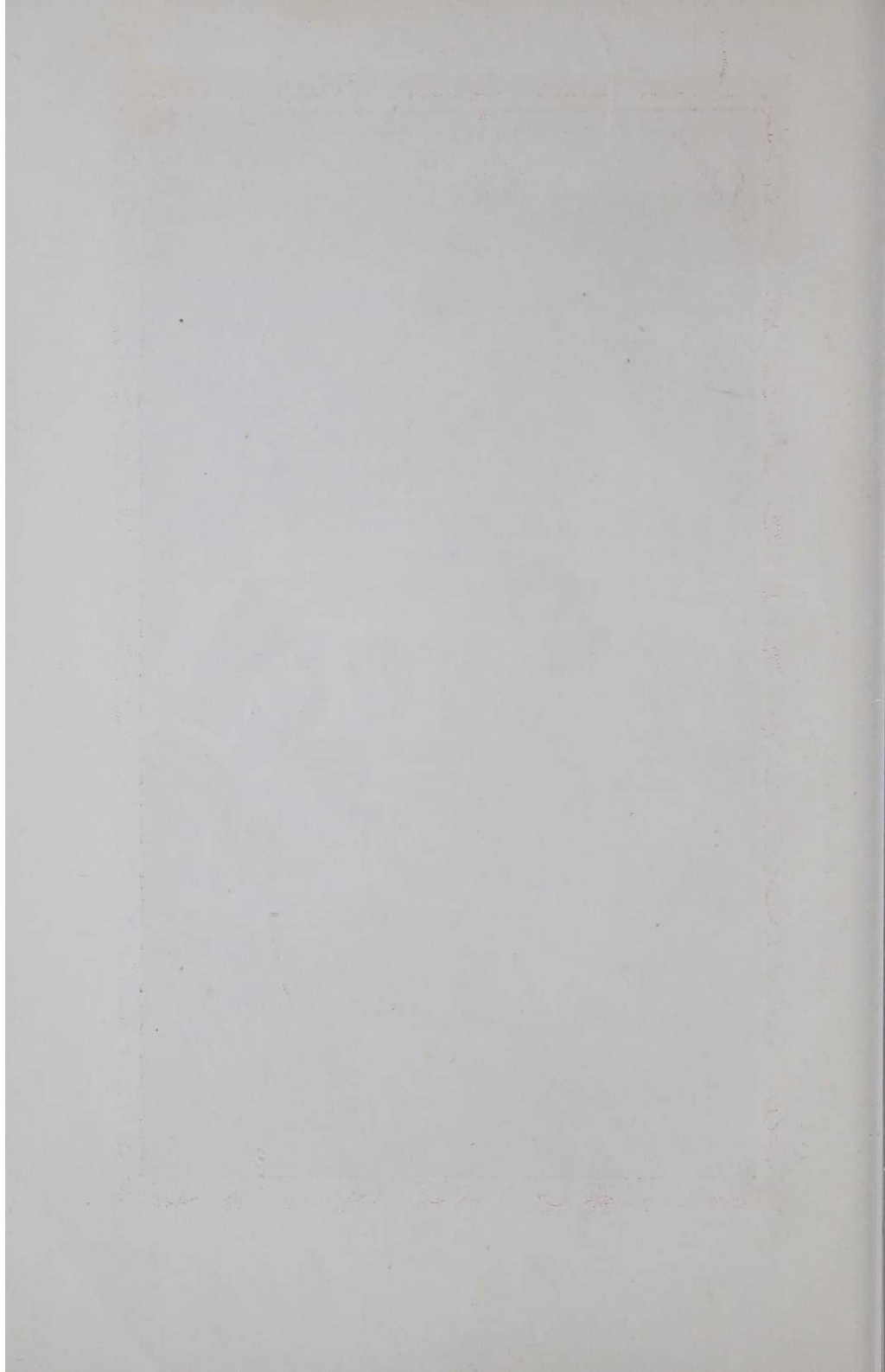
И бояре отвечали: — Князь,
Разум твой заполонило горе.

То два буйных сокола с отцова
Поднялись престола золотого,
Захотев Тмуторокань добыть,
Либо Дона шлемами испить.
Да когда они летели степью,
Половчин подрезал крылья их
Саблею булатной, а самих
Оковал железной тяжкой цепью.
Темен был тот несчастливый день!
Оба солнца спрятались в туманах,
Помрачились два столпа багряных,
А за ними погрузились в тень
Два других светила —
Молодые месяцы: Олег
С Святославом. Так у дальних рек,
На Каяле тьма наш свет покрыла.
Яростнее барсова гнезда
По Руси раскинулась орда,
Бурным морем землю затопила
И отвагу хану придала.
Уж восстала на хвалу хула,
На свободу поднялось насилье
И, сложивши крылья,
Грянулся на землю черный Див.
Вот над синим, над морским простором
Готские девицы, зазвонив
Русским златом, распевают хором, —
Славят время Бусовых побед
И лелеют мщенье за хана
Половецкой степи, Шарукана.
Князь, а нам веселья больше нет!

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

И ТОГДА великий Святослав
Слово золотое,
Горькими слезами облитое,
Изронил, сказав:
— Ох, вы, дети,
Игорь, ясный свет,
С буйным туром Всеволодом! Рано
Сокрушать вы стали землю хана,
Пролагать мечами к славе след.
Но неславно вы одолевали,
Кровь врагов неславно проливали.
Знаю, — ваши храбрые сердца
Из булата твердого ковались,
В буйстве закалялись.
Что же вы, два пылких удальца,
Сотворили с нею,
Сединой серебряной моею?
Уж не вижу власти над князьями
Ярослава, брата моего.
Многоратный, силен он полками.
Грозен строй черниговцев его.
В том строю — богатыри-шельбиры,
Горцы с Татр, ольберы, топчаки

И ревуги — всё сорви-башки,
Смельчаки, задиры.
Да! Они и без щитов, с одним
Острым засапожником своим
Вражью рать среди резни кровавой
Побеждают кличем боевым,
Дедовской позванивая славой.
Но сказали вы друг другу: — Нет,
Мы теперь мужаться сами будем,
Сами славу новую добудем
И поделим славу прошлых лет! —
А и диво ль, братья, старцу стать
Молодым опять?
Коли сокол в линьке побывает,
Он высоко птиц тогда взбивает:
Своего гнезда
Не дает в обиду. Но — беда:
Мне князья другие — не помога.
Под уклон пошла времен дорога.
Вот и в Римов вторгся половчин,
Там кричат под саблями поганых.
А Владимир-князь в кровавых ранах,
Стонет, тужит Глебов храбрый сын!

*

О, Всеволод, великий князь!
Лети издалекá скорей
Блюсти златой отцовский стол
Могучей мыслию своей!

Ты мог бы веслами гребцов
Всю Волгу в брызги распылить,
Ты мог бы шлемами бойцов
Весь многоводный Дон разлить.

И будь ты здесь, за пленных дев
Ногата платою была б,
По мелкой резани тогда
В торгу богатым был бы раб, —
Затем, что можешь ты стрелять
И по сухим путям степей —

Живые стрелы посылать:
Удалых Глебовых детей.

А вы, буй-Рюрик и Давид!
Когда вокруг ярился бой,
Не ваши ль это шишаки
По крови плавали чужой?

Не ваши ль храбрые полки,
Бросаясь в бой, рыкают злей,
Чем тур, пораненный мечом
Среди незнаемых полей?

Князья, коснитесь же скорей
Ногами золотых стремян
За землю Русскую, за кровь
Горящих Игоревых ран!

О, Ярослав, князь-Осьмомысл!
В далекой Галицкой земле
Высоко восседаешь ты
На златокованном столе.

Гряда Угорских гор твоей
Железной ратью подперта.
Путь королю загородив,
Замкнул Дунаю ты врата.

Ты мечешь башни в облака
И до Дуная рядишь суд,
И грозы ярые твои
По землям вражеским текут.

Ты можешь властною рукой
Ворота в Киев отворять,
С золотого отчего стола
Султанов за морем стрелять.

Стреляй в Кончака, господин!
Пусть примет мщенье басурман
За землю Русскую, за кровь
Горящих Игоревых ран!

Ты, буй-Роман, и ты, Мстислав!
Бесстрашных замыслов полет
Неудержимо разум ваш
На подвиг доблести влечет.

В порыве буйственном своем
Парит высоко ваша страсть,
Как сокол — в воздухе, на птиц
Готовый яростно напасть.

К латинским шлемам на себя
Надели вы железо лат.
От них растрескалась земля,
И страны многие дрожат.

Ятвяги, половцы с Литвой
И Деремела с Хиновой
Повергли копья, подклонясь
Под ваши сабли головой.

Но, княже, вот и солнца свет
Для Игоря уже погас,
И дерево свою листву
В недобрый обронило час.

По Роси и Суле-реке
Кочевник делит города,
А Игорев отважный полк
Уж не воскреснет никогда.

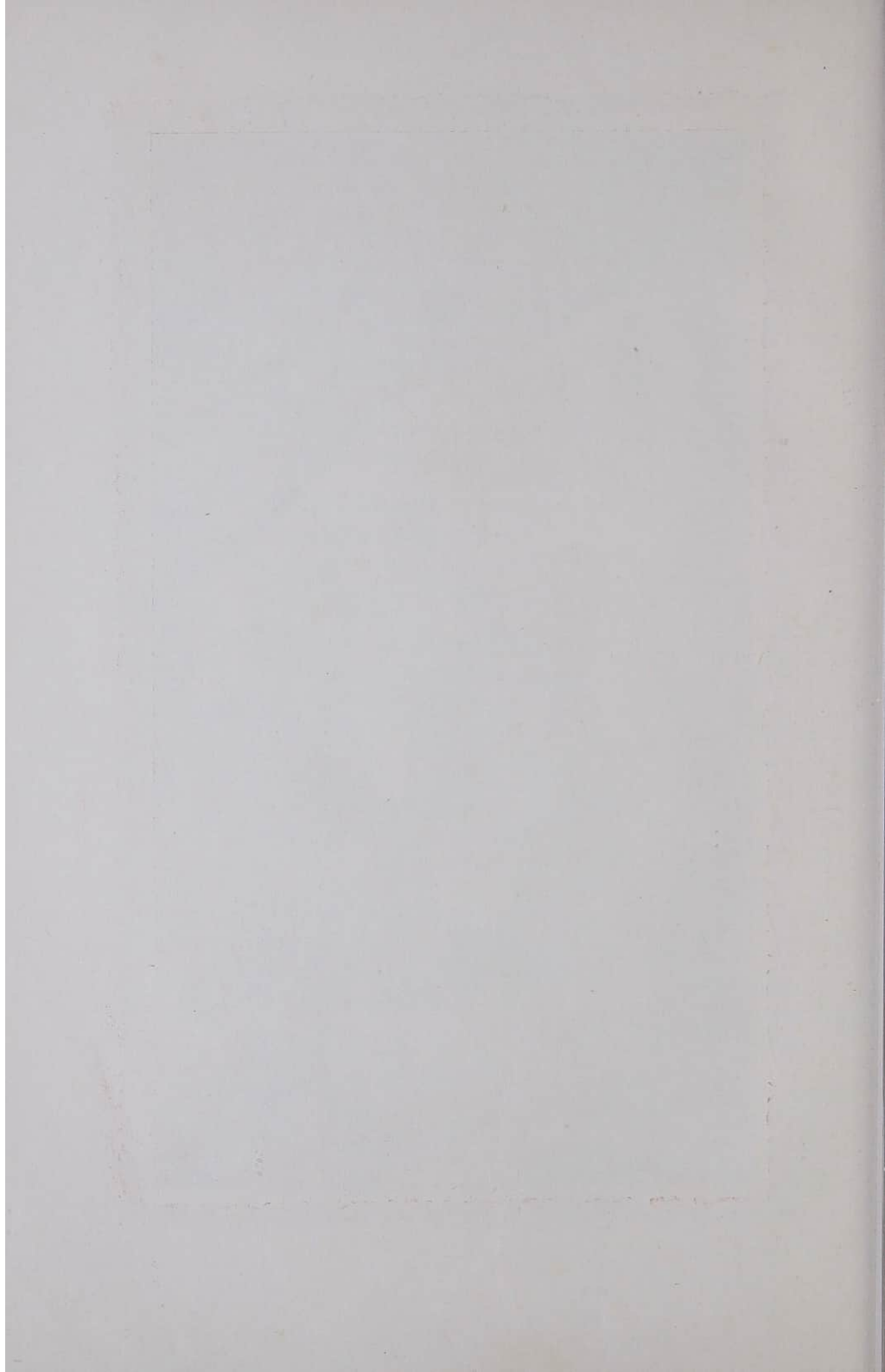
О, княже, Дон тебя манит,
Князей зовет к победе он,
Но только Ольговы птенцы
На бранный подоспели звон.

Ингварь и Всеволод и все
Вы три Мстиславича! О, нет,
Вы, шестикрыльцы, не плохим
Гнездом порождены на свет.

Счастливым жребием побед
Владенья ваши добыты.

Где ж копыа польские у вас,
Златые шлемы и щиты?

Загородите тыном стрел
Ворота в степь, открыв колчан
За землю Русскую, за кровь
Горящих Игоревых ран!

БЫЛАЯ СЛАВА

УЖ К ПЕРЕЯСЛАВСКИМ
Городским воротам
Не струится серебром Сула,
И Двина под вражь
Возгласы болотом
В тот ли грозный Полоцк потекла.

Но не грозны стали
Нынче полочане:
Только сын Васильков, Изяслав,
По литовским шлемам
Позвонил мечами,
Дедовскую славу приласкав.

Да и сам он ратной
Был отмечен славой, —
Весь иссечен саблями Литвы,
Пал под щит червлёный
На ковер кровавый
Полевой травы.

Уж не встать с багряной
Травяной постели!
И печально он себе сказал:

— Князь, твою дружину
Крылья птиц одели,
Хищный зверь ей раны облизал! —

Не случилось рядом
Братьев Изяслава.
Не было в ту пору близ него
В роковом бою
Ни Брячислава,
Ни Всеслава - брата, — никого!

Одиноко он
В золотое ожерелье,
Словно жемчуг, душу изронил.
Замерло, поникло
В отчине веселье.
Трубы трубят — голос их уныл.

Ярослав и все вы,
Правнуки Всеслава!
О, вложите ржавый меч в ножны,
Преклоните стяги!
Вас отвергла слава
Гордой старины.

Вы на край отцовский,
На его обилье,
Первые врагов и навели.
Ведь от вашей свары
И пришло насилье
С половецкой кочевой земли.

*

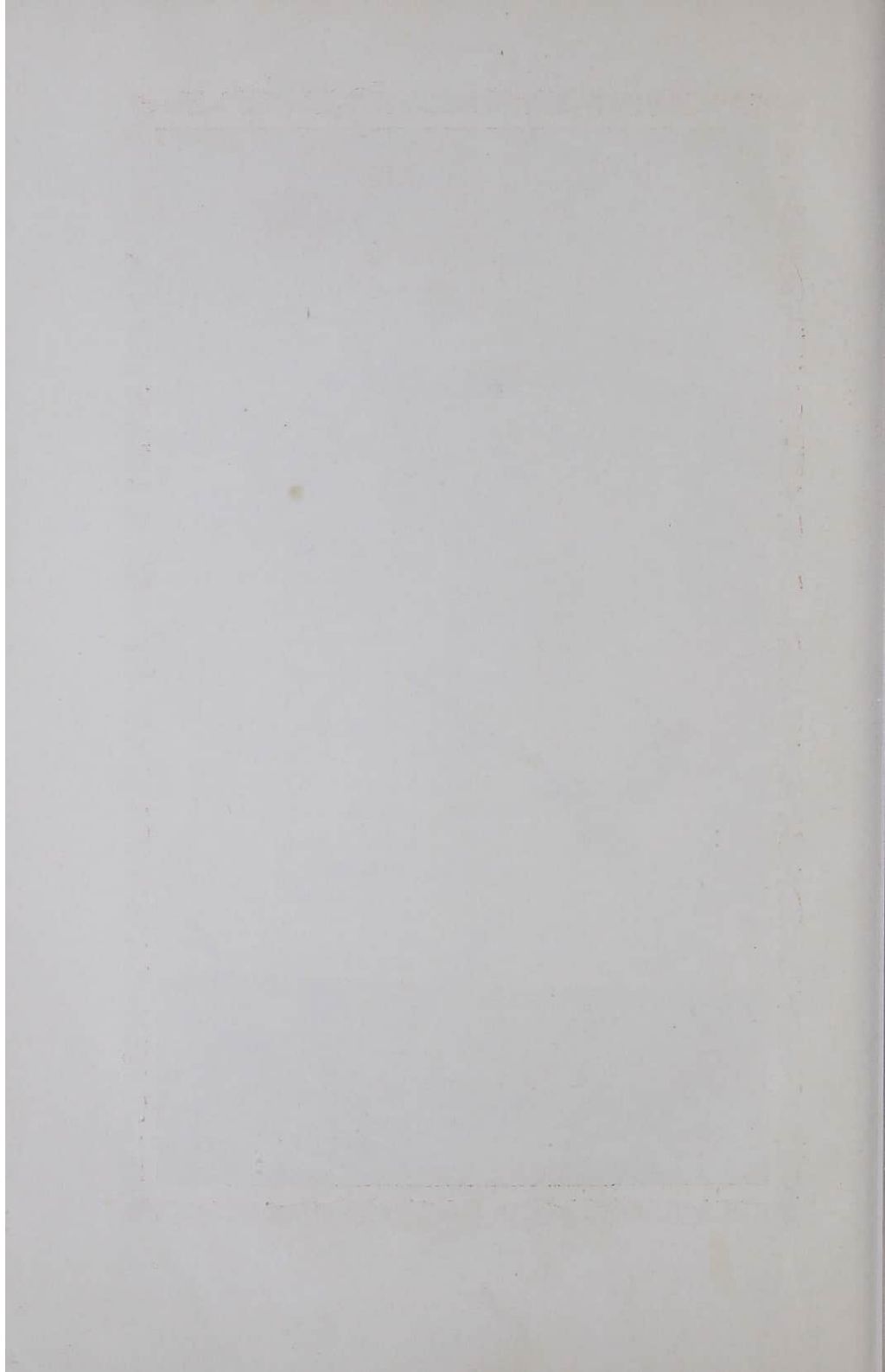
На седьмом
На Трояновом веке Всеслав
Бросил жребий о милой своей,
Загадав
Про наследственный Киев.
На быстром коне
Подскакал он к его
Крепковратой стене,
Да лишь древком копья

Боевого с седла
Чуть коснуться успел
Золотого стола.
Лютым зверем
Из Белграда скрылся в ночи, —
Убегая, окутался синею мглой.
Поутру же на Новгород
Поднял мечи,
Ярославову славу
Расшиб, удалой!
Волчьим скоком, прикинув
К седельной луке,
От Дудуток метнулся
К Немиге-реке.
Там идет молотьба:
Настилают снопов,
Не снопов — человечьих голов;
На скаку
Их молотят клинками
Булатных цепов;
Полагают живот
На широком току;
Выведают отважные души из тел;
Ярко берег Немиги
От крови зардел.
Там не жито посеяно, —
Кости легли
Сыновей нашей матери
Русской земли.

Князь Всеслав днем людей
И судил и рядил,
В ночь же волком
Из Киева прочь уходил.
К петухам, осененный
Ночной темнотой,
Поспевал он в далекую
Тмуторокань,
Хорсу, богу великому,
Путь золотой

Перерыскивал волком,
В глубокую рань,
Чуть ударят к заутрени
В Полоцке, — он
Той порой услышал
Уж и Киевский звон.
Но хоть с вещей душой
Он родился на свет,
Часто князю страдать
Приходилось от бед.
Про него-то Боян
И сказал ведь впервой
Свой припев, прозвеневший
Премудрой молвой:
— Будь горазд, будь хитер,
Хитрой птице подстать,
А пред божьим судом
Не минуешь предстать!

*

О, стонать всей Руси,
Вспоминая князей
Стародавних великих!
Да, видно, нельзя
Пригвоздить было
Старца Владимира ей
К высям киевских гор,
Хищной степи грозя.
Ныне стяги его
Разошлись по рукам:
Теми Рюрик владеет,
Другими — Давид.
Розно веять пришлось
Гордым их бунчукам,
Врозь и копыя поют
В шуме яростных битв.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

РАНЫМ-РАНО в смутный час рассветный
Ярославнин голос слышен мне.
Чу, она зегзидей бесприветной
Горько кличет в тишине:
— Я взовьюсь над полем, над дубровой,
По Дунаю быстро полечу
И в Каяле свой рукав бобровый
По дороге омочу.
Князь мой ранен. Кровью заалели
Злые раны на груди его.
Смою кровь на мужественном теле
У супруга моего.

Раным-раню, далекó-далёко,
В городе Путивле на стене
Ярославна плачет одиноко,
Причитая в тишине:
— Что ты, Ветер, веешь с буйной силой?
О, Ветрило-Ветер, для чего
Мчишь ты стрелы хана, легкокрылый,
В воев лада моего?
Мало ль ты под облаками веял,
На морях лелея корабли?

Что ж мое веселье ты рассеял
В ковыле степной земли?

Раным-рано, далекó-далёко,
На стене путивльской городской
Ярославна плачет одиноко,
Воскликая вдаль с тоской:
— Днепр Словутич, каменные гряды
Ты сквозь землю половцев пробил.
Святослава легкие насады
В стан Кобяка ты носил.
О, когда бы, на волнах лелея,
Ты, могучий, лада мне принес,
Чтоб не слала рано по заре я
Вдаль, на море, горьких слез!

Раным-рано, далекó-далёко,
На путивльской городской стене
Ярославна плачет одиноко,
Причитая в тишине:
— Солнце, трижды светлое светило!
Всем тепло, красно ты, Солнце, всем!
Что ж ты воев лада опалило
Огненным лучом? Зачем
В стороне безводной, незнакомой
Луки воям зноем ты свело
И глухой полуденной истомой
Им колчаны запекло?

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИГОРЯ

ВСПЛЕСКАЛОСЬ море; бурно прыщет пена;
Идут смерчи; бог сквозь ночную мглу
Дорогу кажет Игорю из плена
На Русь, к золотому отчему столу.

Погасли зорь огни вечеровые.
Князь Игорь спит-не спит, и без конца
Умом просторы мерит полевые
От Дона и до малого Донца.

Овлур свистит коня в полночном мраке,
Заречную тревожа тишину.
Велит понять условленные знаки.
— Не быть, — воскликнул, — Игорю в плену!—

Гудит земля, трава шумит густая,
Кольшутся кибитки степняков,
А Игорь-князь проворней горностая
Прокрался меж прибрежных тростников.

Как белый гоголь, в воду окунулся,
Легко вскочил на борзого коня
И серым волком по степи метнулся
К лугам Донца, ковыль-траву клоня.

И соколом к черте родного края
Он полетел, туманами одет,
Гусей и белых лебедей сбивая
Себе на ужин, завтрак и обед.

Он соколом летел в степи зеленой,
Овлур же волком побежал по ней,
С травы стряхая дождь росы студеной, —
Лихих они умаяли коней.

*

Донец журчит:
— О, князь, тебе
Не мало величания,
Кончаку — огорчения,
А Руси — ликования! —

И отвечает Игорь-князь
На светлых струй звучание:
— Донец, не мало и тебе
Почету-величания.

Ты князя убаюкивал
Волною тихозвонною,
На бреге стлал серебряном
Ему траву зеленую.

Ты теплой мглой окутывал
Скитальца утомленного
Под свежей тенью дерева
Кудрявого, зеленого.

Стерег на зыби гоголем,
На струйках — чайкой чуткою,
А на ветру, на воздухе,
Пролетной дикой уткою.

А Стугна — не таковская:
Тоща струя голодная,
Потоки жрет, суденышки
О корни трет подводные.

В ней Ростиславу юному
Под берегами темными
Затворен Днепр серебряный
Волнами вероломными.

Мать Ростислава всплакалась
По юноше возлюбленном,
По Ростиславе ласковом,
В речных волнах загубленном.

Легли цветы от жалости,
И дерево с кручиною
К сырой земле склонилось
Зеленою вершиною.

*

Не сороки растрещались, —
То по Игореву следу
Едут ханы — Гзак с Кончаком —
И в пути ведут беседу.

Тут не граял синий ворон
И помалкивали галки,
И сороки не трещали,
По ветвям цепляясь в балке.

Дятлы кажут звонким тектом
Ближний путь к воде потока,
Соловьи веселым пенем
Возвещают свет с востока.

Гзак промолвил:
— Если сокол
На гнездо летит полями,
Расстреляем соколенка
Золочеными стрелами!

А Кончак:
— Уж если сокол
Полетел в свою сторонку,
Лучше красною девицей
Свяжем крылья соколенку!

И тогда в ответ Кончаку
Гзак такое молвил слово:
— Если свяжем мы девицей
Соколенка удалого,

Ни его у нас не будет,
Ни красавицы-девицы,
И почнут нас бить чужие
В половецком поле птицы!

ЗАЗДРАВНАЯ ПЕСНЯ

ПОЗАБЫТЬ ЛИ молву Боянову?
Песнотворец, певший был старинную —
Ярославу, Олегову, коганову
И походы Святослава со дружиною,
Он премудрую складывал речь,
Пел, седой, ладней соловушки:
— Тяжело быть голове без плеч,
Худо телу без головушки!
(А без князя-то Игоря — Русской земле.)
Солнце светится нам на небе,
Игорь-князь на Руси, на отцовском столе.
Поют девушки на Дунай-реке.
Голоса хоровода девичьего
С моря синего до Киева расходятся.
Игорь едет вдоль Боричева
К Пирогощей богородице.
Страны рады, грады с весями
Зазвенели веселыми песнями.
Вслед за ними и мы
Честь князьям воздадим,
Прежде старшим князьям,
А потом — молодым:

— Слава Игорю
Святославичу,
Туру буйному
Свету-Всеволоду
И Владимиру,
Сыну Игореву!
Долго здравствуйте, князи
С дружиной своей,
Поборающей нам
Средь безвестных полей
Половецкую силу
Пустынную!
Слава храбрым князьям
С их дружиною!
Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

„Слово о полку Игореве“ — гениальная русская поэма двенадцатого века. Она была найдена в 1795 году в старинном рукописном сборнике, приобретенном Мусиным-Пушкиным. В 1800 году поэма была опубликована.

Во время нашествия Наполеона московский дом Мусина-Пушкина сгорел вместе с библиотекой, в которой хранилась рукопись „Слова“.

Автор „Слова“ рассказал в нем о походе четырех князей из Северной области против кочевников-половцев. Этот поход описан и в летописях. В 1184 году киевский великий князь Святослав, собрав большую рать, нанес половцам сильное поражение и взял в плен хана Кобыка. Северские князья не участвовали в этом походе, а в следующем, 1185 году, решили пойти на половцев отдельно. Вместе с новгород-северским князем Игорем Святославичем в поход выступили его брат Всеволод из Трубчевска, сын Владимир из Путивля и племянник Святослав Ольгович из Рыльска. Когда войско достигло Донца, случилось затмение солнца. Худое предзнаменование не остановило Игоря. Вскоре русские встретились с половецким отрядом и разбили его. На другой день несметные полчища половцев двинулись на русскую рать. Завязалась жестокая сеча, длившаяся весь день и всю ночь. На рассвете дрогнули и побежали находившиеся в русском войске черниговские ковуи. Игорь поскакал вернуть их в битву, но бегущие не узнали князя. Возвращаясь к своему полку, Игорь был захвачен половцами в плен. Прочие князья тоже попали в руки врагов. Почти все русское войско погибло. Слух о поражении Игоря дошел до великого князя Святослава. Сетуя на Игоря и Всеволода, понадеявшихся на свои силы, Святослав говорил:

— Вы не сдержали юношеского порыва, отворили ворота на русскую землю!

Действительно, после разгрома Игоревой рати половцы участвовали своим набегам на Русь, — осадили Переяславль, взяли Римов, сожгли Путивль. Между тем, Игорь находился в половецком стане. Хотя половцы приставили к нему стражу, он пользовался относительной свободой: ездил на охоту, имел русских слуг. Половчин Лавор, или Овлур, помог князю бежать из плена. Побег произошел вечером, когда половцы напились кумыса. Подняв стенку шатра, Игорь выбрался всн, перешел вброд реку Тор и сел на приготовленного Овлуром коня. Через одиннадцать дней он был у Донца, а отсюда отправился в Новгород-Северский и в Киев. В 1187 году

вернулся на Русь и сын Игоря, Владимир, женившийся на дочери хана Кончака.

„Слово о полку Игореве“ — прекрасная песня о любви к родной земле, героическая поэма о национальном единстве. Все „Слово“ написано изумительно ярким, выразительным языком и проникнуто волнующим лиризмом. По своим образам, по всему словесно-музыкальному строю оно находится в тесном родстве с народными песнями и былинами.

Нам неизвестно имя непосредственного автора поэмы (существует предположение, что он был воином, участником Игорева похода), но мы с полным правом можем назвать имя ее другого вдохновенного творца. Это — весь великий русский народ, создавший, как писал в 1915 году А. М. Горький, „при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир“.

ЗАПЕВ

(Стр. 5 — 6)

Боян — профессиональный княжеско-дружинный певец. Он пел славу Ярославу Мудрому (ум. в 1054 г.), Мстиславу Храброму (ум. в 1033 г.), Роману Красному (Красивому; ум. в 1079 г.), — следовательно, его поэтическая деятельность относилась к одиннадцатому веку.

ПОХОД

(Стр. 7 — 13)

Владимир Старый — Владимир Мономах (1053—1125 гг.).

Вои — воины.

„**Конь преломить**“ — фигуральное выражение, означающее: сразиться, вступить в бой. „**Дона шеломом испить**“ — побывать, поехать на Дону.

„**Мчась Трояновым следом**“ (в подлиннике: „рица в тропу Трояню“). Прилагательное „Троянь“ (Троянов) встречается в „Слове“ еще три раза: 1) „были вечи Трояни“ 2) Обида „вступила девою на землю Трояню“, 3) „на седьмом веце Трояни“ и толкуется исследователями поэмы по-разному. Одни производят его от названия города Трои, другие — от имени римского императора Траяна, третьи — от наименования древнеславянского божества тьмы Трояна. По мнению поэта А. Н. Майкова, принявшего последнее толкование, „земля Трояня“ — это степь, земля незнаемая, „исполненная враждебных Руси темных сил“, „веки Трояни“ — древние темные времена, а фраза „рица в тропу Трояню“ значит: „рыца по степи из края в край, обозревая всю степь, все, что там происходило, и что делал Игорь, и как ополчалась на него темная сила“.

Велес — древнерусское божество, покровитель пастухов и стад; здесь — покровитель поэта.

Сула — левобережный приток Днепра, протекавший по Переяславской области.

Новгород — имеется в виду удельный город Игоря Новгород-Северский.

Шелом — шлем.

Див — мифологическая злоедающая птица.

Корсунь — город Херсонес, находившийся на южном берегу Крыма.

Сурож — нынешний Судак (на юго-восточном берегу Крыма).

Город Тмуторокань (на Таманском полуострове) — был важным торговым и стратегическим пунктом. С 1094 г. он находился под властью половец. **Истукан тмутороканский** — повидимому, какой-то языческий идол.

ВСТРЕЧА С ПОЛОВЦАМИ

(Стр. 14 — 17)

Пяток — пятница.

Паволоки и оксамиты — византийские шелковые ткани.

Епанча — накидка, плащ.

Червленый — багряный.

Челка — бунчук.

Гнездо Олега — северские князья, потомки Олега Святославича.

Гзак и Кончак — половецкие ханы.

Четыре солнца — четыре князя, участники похода.

РОКОВАЯ СЕЧА

(Стр. 18 — 23)

Стрибог — древнерусский языческий бог ветра.

Яр-тур — ярый буйвол, эпитет Всеволода.

Шлемы аварские. Племя аваров жило у Каспийского моря и по Дону.

Глебовна — княгиня Ольга Глебовна, супруга Всеволода.

„Дни Ярослава минули“ — подразумевается Ярослав Мудрый.

Олег Святославич, названный ниже Гориславичем, — дед Игоря и Всеволода. Этот князь, „ковавший крамолу“ (смуту, междоусобицу), вел борьбу со своим дядей Всеволодом Ярославичем, отцом Владимира Мономаха, за отцовский удел Чернигов. Черниговская область при разделе досталась Владимиру Мономаху. Олег и его двоюродный брат Борис Вячеславич, тоже обиженный при разделе, пошли из Тмуторокани на Всеволода и при помощи половецких разбили его. Всеволод бежал к своему брату, киевскому великому князю Изяславу. Изяслав и Всеволод двинулись на Олега, занявшего Чернигов. Олег хотел вступить в переговоры, но Борис был против.

Битва произошла на Нежатиной ниве (1078 г.). Борис погиб, Олег вернулся в Тмуторокань.

Святополк — сын Изяслава и внук Ярослава Мудрого, двоюродный брат Владимира Мономаха, был киевским великим князем с 1093 до 1113 г. Его отец Изяслав Ярославич пал в битве с половецкими, происшедшей опять на Нежатиной ниве. „Святополк поделая отца своего между угорскими иноходьцы к святей Софии к Киеву“ — отвез отцовское тело для погребения в митрополичью киевскую церковь, привязав его между двух коней, как в древности возили мертвых.

Дажьбог — славянский бог солнца. „Дажьбожьи чада“ (в подлиннике: „внук Дажьбож“) — русский народ.

Русичи — русские.

ПЕЧАЛЬНАЯ ГОДИНА

(Стр. 24 — 28)

Сокол, залетевший к морю, — Игорь. Образами, взятыми из обихода соколиной охоты, автор „Слова“ пользуется не раз. Игорь и Всеволод — два сокола, слетевшие с отцовского золотого стола и пойманные врагами. В диалоге Гзака и Кончака идет речь о **соколе** и **соколенке**: Игоре и юном Владимире, его сыне.

Лада — муж, супруг.

Гридня — зала, горница.

Кощей — кочевник.

СОН СВЯТОСЛАВА

(Стр. 29 — 30)

Святослав Всеволодович, киевский великий князь, был двоюродным братом Игоря и Всеволода Святославичей.

Тулы — колчаны.

Лово — грудь.

Два солнца, два багряных столпа — Игорь и Всеволод.

„Молодые месяцы: Олег и Святослав“. Некоторые исследователи „Слова“ предполагают, что имя „Олег“ — ошибка переписчика, нужно: „Владимир“.

Готские девы. Остатки готов, когда-то населявших внутреннюю часть Крыма (Готию), еще жили на берегах Черного и Азовского морей и в двенадцатом веке.

Бус и Шарукан — половецкие ханы. Шарукан потерпел от русских несколько поражений в конце одиннадцатого и в начале двенадцатого столетий.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

(Стр. 33 — 39)

Ярослав Черниговский — брат Святослава Всеволодовича.

Засапожник — короткий нож.

Владимир Глебович — переяславский князь, был смертельно ранен половцами, осадившими Переяславль после поражения Игоря.

Всеволод, к которому обращается Святослав в своем золотом слове, — богатый и сильный суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое гнездо, сын киевского великого князя Юрия Долгорукого. В 1182—1184 гг. он совершил победоносный поход против волжских болгар; в походе участвовали и рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи („живые стрелы“ Всеволода суздальского).

Ногата и резана — мелкие монеты.

Рюрик (Перемышльский) и **Давид** (Смоленский) Ростиславичи — правнуки Владимира Мономаха. Рюрик семь раз добывал и терял Киев.

Ярослав Осмомысл — могущественный Галицкий князь. Прозвище „Осмомысл“ (восемь мыслей) говорит о признании современниками ума Ярослава.

Угорские горы — Карпаты.

Король — венгерский.

Роман — прославившийся своими походами волынский князь (ум. в 1205 г.).

Мстислав — лудский князь, двоюродный брат Романа, участник его походов.

Ятвяги, деремела — литовские племена.

Рось, как и Сула, — приток Днепра.

Ингварь и Всеволод Ярославичи — братья упомянутого выше Мстислава лудского. **Мстиславичами** в „Слове“ они названы по своему прадеду Метиславу Великому, сыну Владимира Мономаха.

Шестикрыльды — метафора: у трех соколов (князей) — шесть крыльев.

БЫЛАЯ СЛАВА

(Стр. 40 — 45)

Двина — имеется в виду Западная Двина, по бассейну которой было расположено Полоцкое княжество.

Изяслав Василькович — правнук знаменитого Всеслава Полоцкого, — гродненский (полоцкий) князь, погибший в схватке с литовцами в 1183 г.,

т. е. всего за два года до похода Игоря. Изяслав „изрони жемчужну душу из храбра тела чрес злато ожерелие“ — ему перерезали горло. „Слово“ упоминает о братьях Изяслава: Брячиславе и Всеволоде. Ив. Новиков в пояснении к своему переводу „Слова о полку Игореве“ замечает: „Имя **Всеволода**, по общему и бесспорному признанию, есть ошибка переписчика „Слова“; надо читать: **Всеслава**“.

Всеслав Полоцкий (ум. в 1101 г.), — правнук Владимира I, враждовал с сыновьями Ярослава Мудрого. В 1067 г. он ненадолго захватил Новгород (Великий), но Изяслав и Всеволод Ярославичи разбили его на реке Немиге (Немане). Всеслав был заключен в киевскую темницу. В 1068 г., когда Ярославичи потерпели поражение от половцев, киевское население, состав против своего князя Изяслава, освободило Всеслава и посадило его на киевский престол. Через семь месяцев Изяслав подступил к Киеву с польским войском, а Всеслав бежал в Полоцк.

Всеслав бросил жребий о милой („о девицу себе люблю“) — о **Киеве**.

Белград — местечко под Киевом.

Дудутки — к югу от Минска, недалеко от Немана.

Хорс — языческое божество солнца.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

(Стр. 46 — 49)

Ярославна — княгиня Ефросиния, дочь Галицкого князя Ярослава Осмомысла, жена Игоря.

Зегзица — кукушка.

Словутич — славный, знаменитый.

Насады — суда.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИГОРЯ

(Стр. 50 — 55)

Стугна — болотистый приток Днепра.

Ростислав — брат Владимира Мономаха. Весной 1093 г. юный Ростислав, переправляясь после неудачной битвы с половцами через разлившуюся Стугну, утонул в ней: Стугна „затворила“ для князя Днепр.

Тект — звукоподражательное слово, означающее стук дятла.

Соколенок — молодой Владимир Игоревич; **девица** — Кончаковна, с которой Владимир вернулся из плена.

Птицы — здесь враги половцев, русские.

ЗАДРАВНАЯ ПЕСНЯ

(Стр. 56 — 59)

Коган — титул царей у тюркских народов, иногда применявшийся в литературе и к русским князьям.

Боричев ввоз — дорога от днепровской пристани в Киеве.

Пирогощяя — киевская церковь, в которой находился образ богородицы, привезенный купцом Пирогощею из Константинополя.

Амивь — поистине так.

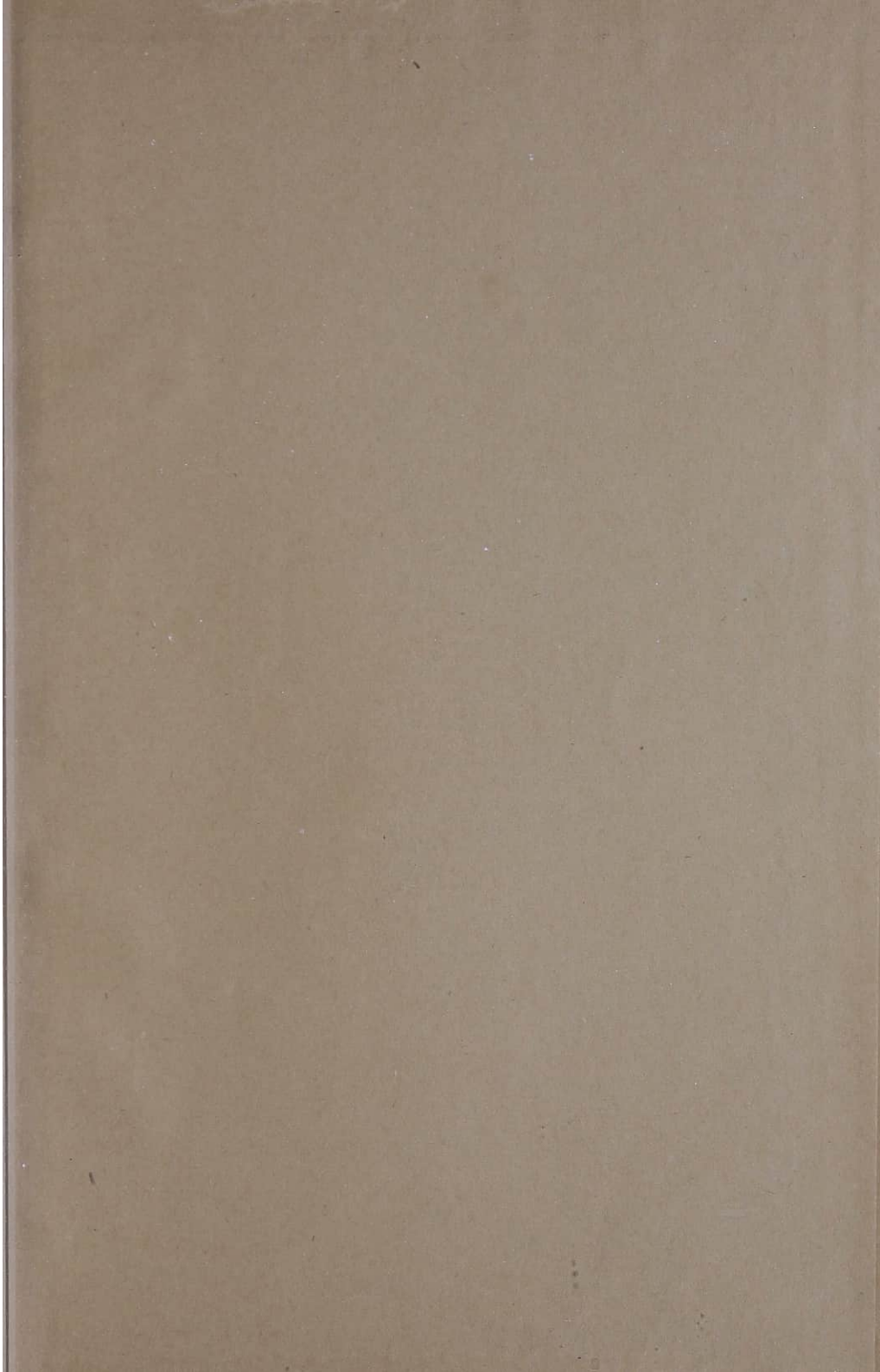

Сдано в набор 25/VIII — 14/IX 1938 г. Подписано к печати 11/XII 1938 г. Тираж 3 200 экз. Изд. № 56. Инд. X-2в. Уполн. Ивобллита № В — 516.

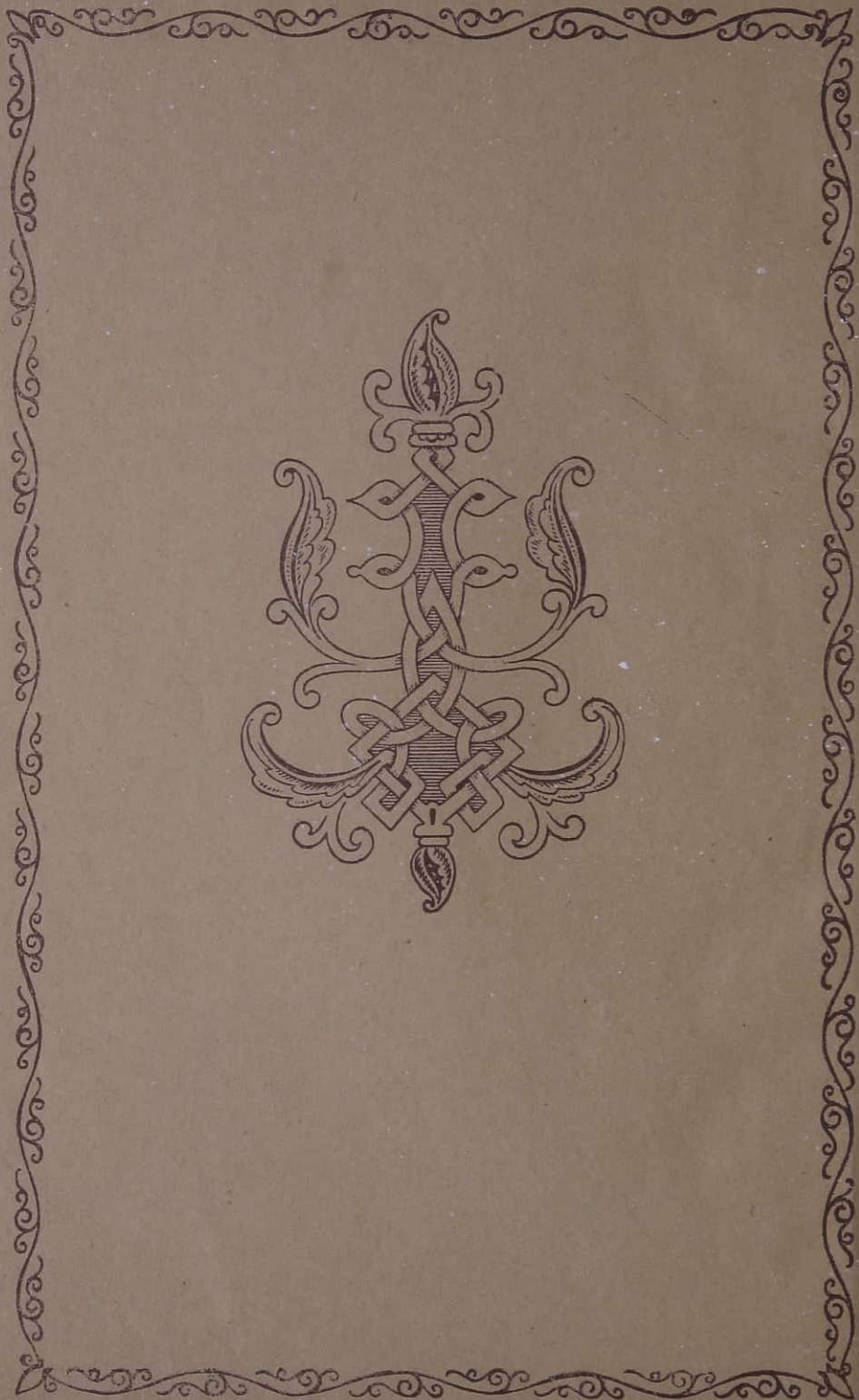
Бумага 62 × 94/16. Печ. л. 4. Бум. л. 2. Учетно-авт. л. 3,2.

Типография издательства Ивановского облисполкома. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 6012.

Цена 2 руб. Переплет 1 руб. 50 коп.

8p 50k

